

В чате трансляции вовсю шло обсуждение:

«Ну и работка, чисто физический труд! Но как же прилежно этот Пушок моет посуду!»

«А мне он больше напоминает живую губку для посуды марки „Пушок“ — полностью автоматическую!»

«Бог Ночи вовсю обтесывает ветви белого скального дерева. Похоже, мастерит оружие».

«А куда деваться? Ограничения слишком жесткие. Похоже, все расы урезали в правах. На использование врожденных талантов уходит слишком много сил, а в этом мире с едой туго, восполнить энергию почти невозможно!»

Е Цзянь обрабатывал заготовки из белого скального дерева с предельной осторожностью. В современных реалиях обычный, наспех сбитый лук был бы бесполезен: при силе нынешних людей древесина просто переломилась бы при первой же попытке натянуть тетиву. Поэтому в оружейном деле давно разработали особый метод.

Суть его заключалась в том, что мастер с мощным ментальным потенциалом вплетал собственную энергию непосредственно в создаваемый инструмент. Это не просто улучшало его характеристики, но порой даже перестраивало молекулярную структуру материала, наделяя предмет совершенно уникальными свойствами. Впервые эту технику опробовала Призрачная раса, известная своим колоссальным ментальным потенциалом, а со временем она прижилась повсеместно и стала применяться для изготовления самых разных инструментов.

На словах процесс казался незамысловатым, однако на деле требовал ювелирной точности и высочайшей концентрации. Даже лучшие мастера Призрачной расы не могли гарантировать стопроцентный успех. Людей, способных на подобное, во вселенной насчитывались единицы, и все они занимали ключевые посты, оберегаемые своими цивилизациями как ценнейшие кадры.

Закончив возиться с припасами, Шу Сюнь присел у костра. К этому моменту натопленная в котелке снеговая вода уже вовсю бурлила, а Е Цзянь всё так же сосредоточенно трудился над заготовками. Малыш устроился рядышком, обхватив лапками пухлый животик, и принялся наблюдать. Об этой ментальной ковке он когда-то читал в электронных книгах и знал: малейшая оплошность, секундная потеря контроля — и заготовка испорчена. Мешать напарнику он не смел.

Глядя на невзрачные бруски белого скального дерева в руках воина, Шу Сюнь поймал себя на мысли, что эта техника удивительно похожа на начертание священных талисманов. Там ведь тоже требовалось направить божественное сознание, шэньши, в материальный носитель. Разве что для талисманов нужны были строгие узоры, рунические контуры и мысленные заклинания, а создание по-настоящему грозных артефактов требовало невероятных усилий и мастерства.

Нынешний же метод вливания ментальной энергии походил на хаотичный поток: он давал лишь базовое укрепление, а появление каких-то дополнительных свойств оставалось делом чистой случайности.

Зверек гадал, кроется ли причина в разнице между обычной ментальной силой и духовным зрением-шэньши. Будь они тождественны, местная цивилизация при её уровне прогресса наверняка освоила бы хотя бы простейшие защитные формации. Однако никаких упоминаний о подобном в хрониках не встречалось.

Сказать наверняка Шу Сюнь не мог. Его собственное совершенствование продвигалось черепашьими шагами, и до самостоятельного создания талисманов ему было как до луны. Всё, что он знал, черпалось из родовой памяти и нескольких нефритовых свитков, оставленных батюшкой. Там содержались подробные трактаты об алхимии, артефактах, талисманах и формациях. Родители собрали эти знания, как только у их ненаглядного чада проявились первые признаки пробуждения уникального дара. Не зная, какая судьба ждёт их сына, они постарались вооружить его всеми возможными секретами.

От этих воспоминаний Шу Сюнь печально повесил носик. Настроение стремительно покатилося вниз. Оказаться одному в чужой межзвёздной эпохе, ничего не зная о судьбе родных... Как же сильно ему хотелось вернуться домой.

Пока он предавался грусти, прямо перед его мордочкой возникла широкая ладонь Е Цзяня. На ней лежала крошечная черная курточка на вате — лаконичного и удобного кроя. Качество пошива было настолько безупречным, что корявые самодельные носочки Шу Сюня на этом фоне казались сущим позором.

— Это мне? — Шу Сюнь удивленно поднял глаза, желая удостовериться.

Е Цзянь с неизменно бесстрастным лицом молча кивнул.

Глаза зверька радостно сощурились, превратившись в два полумесяца. Прижав обновку к груди, он прикинул размер — вещь пришлась как раз впору. Напарник не прогадал. Крохотные лапки быстро скользнули в рукава, затем Шу Сюнь запрыгнул в крошечные штанишки. Закончив с переодеванием, он вовсю зашевелил лапками, проверяя удобство: костюмчик казался плотным и теплым, но совершенно не стеснял движений. Шу Сюню пришлось признать, что у его грозного спутника золотые руки.

— Спасибо, — серьезно пропищал Шу Сюнь, задрав голову. Наряженный в новенький зимний костюм, он чинно сложил лапки перед грудью.

Е Цзянь скупно кивнул, явно довольный результатом своих трудов. Затем он привычным движением бережно подхватил раскланявшегося малыша и сунул его в нагрудный карман. После этого воин быстро собрал остатки необработанных веток и раскиданные вещи.

В уютном гнездышке Шу Сюнь завозился, устраиваясь поудобнее. Хоть на нем теперь и красовалась толстая одежка, места внутри по-прежнему хватало с избытком. Сказывались габариты Е Цзяня — при среднем росте мужчин этой эпохи под два метра, одежда и карманы на ней были поистине исполинских размеров.

Заметив, что напарник готов, Шу Сюнь ухватился лапками за край кармана и высунул любопытный нос. Оглядевшись по сторонам, он мысленно сверился с картой и указал лапкой нужное направление.

Перелив кипятка во флягу, Е Цзянь затушил костер и уверенно зашагал в указанную сторону. Под мягко падающим снегом спутники продолжили свой путь.

Низкое свинцовое небо нависало над землей, в пустых полях уныло завывал ледяной ветер. Отроги горного хребта Вэйшань волнами уходили за горизонт. Вокруг расстилалось бескрайнее белое безмолвие, и лишь редкие исполины белых скальных деревьев высились среди снегов, упрямо противостоя суровой стихии.

Тем временем на канале трансляции воцарилась на удивление теплая атмосфера.

«А почему Пушок постоянно складывает свои пухлые лапки вместе? Это у какого вида такие повадки? Волки, например, так делают?»

«Бог Ночи такой заботливый! Проницательность у него потрясающая — едва малыш приуныл, он тут же достал обновку. Точно не случайное совпадение!»

«Ставлю крейсер на то, что когда кроха заговорил, Е Цзянь просто засмутился. Потому и сгрэб его побыстрее в карман, чтобы продолжить путь!»

«Зацените: ткань-то один в один как на куртке самого Е Цзяня! Они теперь ходят в парных костюмах!»

Чат гудел от восторга. Появление крошечного зверька раскрыло зрителям совсем иную грань сурового Ецяня. И пускай лицо воина оставалось бесстрастным, а взгляд — ледяным, это ничуть не мешало публике строить умильные теории.

Пользуясь временным затишьем, Ецянь двигался быстро. По пути он подбирал сухой валежник и умудрился подстрелить парочку диких кроликов. Быстро ободрав тушки, он уложил их в рюкзачок Шу Сюня. Провизии, которую Пушок успел вынести с лесозаготовительной базы, было в обрез: пара пачек галет, консервы, полпакета риса да несколько банок с газировкой. Лишнее мясо лишним явно не было.

Около полудня Шу Сюнь аккуратно поскреб лапкой грудь Ецяня. Тот послушно замер на месте.

Малыш указал лапкой на восточный склон.

— Кажется, мы уже близко к озеру Вэй. Нужно забирать к востоку, оно находится у подножия хребта Вэйшань, совсем рядом.

Без лишних расспросов Ецянь повернул на восток, полностью доверяя чутью своего крошечного проводника.

«Бог Ночи, очнись! Какое озеро Вэй? Надо бежать напрямик в город Вэй! Они и так безнадежно отстали, не успеют же!»

«Да нормально всё, слушаем Пушка, на озеро так на озеро!»

«Я же говорил, не надо было тащить с собой этого грызуна. Он только путает Ецяня!»

«Да при чём тут путает? Маршрут они ещё в самом начале согласовали!»

«Но они теряют кучу времени! Отставание уже минимум сутки».

Из-за смены курса в чате разгорелись нешуточные дебаты — зрелище небывалое для трансляций Ецяня. В игровом мире он славился железной хваткой, непреклонностью и безошибочными решениями. Для зрителей он был непререкаемым авторитетом, неким незыблемым маяком, чьи действия никогда не ставились под сомнение.

Но стоило ему довериться указаниям Шу Сюня и потратить драгоценное время на крюк к озеру, как среди фанатов наметился раскол. Словесная перепалка разгоралась всё сильнее по мере того, как путники приближались к цели.

Впрочем, спорщики так и не пришли к единому мнению. Зато когда впереди наконец показалась водная гладь, чат мгновенно притих.

С вершины холма открывался бескрайний, кристально чистый обзор. В этот безветренный день снег тихо опускался на землю, сквозь серую дымку туч робко пробивался тусклый свет, и в этой безжизненной белизне вдруг блеснул чуждый, невероятный оттенок.

Перед ними лежало замерзшее озеро Вэй — гигантский сапфир, вправленный в заснеженную равнину. В неверном полусвете ледяной панцирь испускал мягкое лазурное свечение.

Переплетение лазури и девственного снега рождало завораживающий пейзаж, казавшийся иллюзией среди угасающего мира. Эта чистая синева была словно воротами в иной, лучший мир, чудом уцелевшим островком красоты среди уныния и хаоса.

Сияние ледяного зеркала отразилось в темных глазах Ецяня; замороженно смотрел на него и Шу Сюнь. Путники долго стояли безмолвно, прежде чем спуститься навстречу этой манящей синеве.

В чате тоже повисла тишина. Споры улеглись сами собой, уступив место умиротворению. Кто бы посмел назвать этот крюк пустой тратой времени, увидев столь величественную картину?

Вскоре они вышли к самой кромке льда. Озеро оказалось огромным. Вдоль занесенного сугробами берега сиротливо жались друг к другу некогда изящные коттеджи. Очевидно, раньше здесь кипела жизнь, но теперь безраздельно властвовал мороз, и ничто не нарушало покой мертвых заброшенных жилищ.

<http://bllate.org/book/20265/2161767>